

Проблемы организации пограничных контактов властей России и Афганистана в поисках решения территориальных споров накануне Первой мировой войны

Симонов Константин Викторович, кандидат исторических наук, доцент
Воронежский государственный институт физической культуры

В статье анализируется обстановка, сложившаяся на границе России и Афганистана в начале XX столетия. Анализируются тупиковые моменты в отношениях двух стран, в частности, практически полное отсутствие непосредственных контактов между пограничными властями, нерешенная проблема совместного водопользования на границе, территориальные претензии афганской стороны. Особое внимание уделяется рассмотрению практически неисследованных отечественными авторами планов прямого военного вмешательства России в афганские дела, которые предлагались высокопоставленными чиновниками министерства иностранных дел незадолго до начала Первой мировой войны.

Ключевые слова: Россия, Афганистан, внешняя политика, пограничный вопрос, территориальные претензии, обстановка на границе.

Сложная ситуация сложилась в начале XX в. на российско-афганской границе. На фоне постепенно, хотя и медленного, развития торгово-экономических связей, возраставшего притока выходцев из северных афганских провинций в Закаспийскую область и Бухару, пограничные власти России и Афганистана действовали по-прежнему разобщенно. Афганский эмир Хабибулла-хан строго запрещал своим гражданским чиновникам и армейским офицерам ведение любого рода контактов с представителями царской администрации, тогда как обстановка в приграничной полосе очень часто требовала серьезного внимания обеих сторон и быстрого принятия решений.

Население Средней Азии в массе своей испытывало значительные трудности вследствие неудовлетворительного характера российско-афганских отношений. Подданные эмира допускались в пределы Туркестана, но русским доступ в Афганистан был закрыт. Отсюда и возникали многочисленные проблемы. К примеру, бесконечно долго тянулось рассмотрение взаимных исков, как гражданских, так и уголовных, поскольку российские судебные органы не могли своевременно обратиться к ответчику в случае его пребывания на афганской территории. Очень остро стояла и проблема совместного водопользования на границе. Богатейшие оазисы Закаспийской области – Мервский, Пендинский и Тедженский, орошались лишь реками Мургаб и Герируд, бравшими начало в Афганистане, где местные жители тоже отводили их воды под свои посевы. Год от года такие работы велись активнее, что могло со временем поставить наиболее плодородные районы Туркестана в совершенно безвыходное положение [1].

Руководство министерства иностранных дел России придавало этому вопросу большое внимание, но долгое время не решалось приступить к его урегулированию. Только когда в 1912 г. в результате масштабных ирригационных работ, проведенных афганским населением, был причинен ущерб владениям императорской семьи в Бала-Мургабе, министр иностранных дел С.Д. Сазонов призвал английскийское правительство оказать воздействие на эмира. В Лондоне он обсуждал сложившуюся ситуацию с главой британского МИД Э. Греем, однако тот дал

понять, что едва ли сможет реально повлиять на позицию Афганистана, поскольку эмир Хабибулла-хан, по его словам, «плохо слушается голоса Англии» [7, с. 461].

Вместе с тем, британский министр иностранных дел склонен был согласиться с непосредственным участием России в решении этой сложной проблемы [8, р. 310]. 14 февраля 1913 г. посол Великобритании в Петербурге Дж. Бьюкенен в беседе с С.Д. Сазоновым признал, что английским властям «на расстоянии очень трудно оказать давление на ханов Герата» и уточнил при этом, что соответствующее предупреждение им, «адресованное Россией, будет иметь гораздо больший эффект» [8, р. 308].

Сами царские дипломаты были настроены весьма воинственно. Генеральный консул в Калькутте К.Д. Набоков и старший советник министерства иностранных дел В.О. Клемм рекомендовали С.Д. Сазонову принять самые решительные меры, чтобы заставить эмира Хабибуллу-хана быть сговорчивее. Первый считал достаточным для этого привести в боевую готовность войска Туркестанского военного округа и предать этот факт широкой огласке [2], а второй допускал даже прямое военное вмешательство России в дела Афганистана. В Записке по афганскому вопросу, подготовленной в начале февраля 1913 г. для министра иностранных дел, В.О. Клемм предлагал «снарядить в верховья Мургаба и Теджена [Герируда – К.С.] экспедицию, которая разрушила бы все плотины, засыпала бы... оросительные каналы и, под страхом дальнейших репрессий», договорилась бы с местным населением «о пропуске установленной нормы воды в Закаспийскую область» [3].

Однако С.Д. Сазонов проявил осторожность и решил выждать, пока лондонское правительство убедит Хабибуллу-хана, и тот позволит своим чиновникам начать обсуждение спорных вопросов с представителями российской пограничной администрации. Британское же правительство в очередной раз предпочло не тревожить афганского эмира подобными просьбами.

Обстановка на южных рубежах Империи еще более осложнилась, когда в августе 1912 г. власти Афганистана заявили о имеющихся территориаль-

ных претензиях к России. Администрация провинции Бадахшан, естественно, с ведома самого эмира, признала линию границы на Памире вблизи российского пограничного поста Кизил-Рабат не соответствующей решениям разграничительной комиссии 1895 г. Участок между реками Ак-су и Кашка-су, по ее мнению, должен был перейти к Афганистану. Совместный осмотр спорной территории по обеим сторонам границы, произведенный тогда же начальником Кизил-Рабатского поста и афганскими пограничными чиновниками из Файзабада не удовлетворил ни одну из сторон. Согласовать позиции им тогда не удалось [4].

Попытку урегулировать имевшиеся разногласия царские власти вновь предприняли зимой 1913 г. Начальник Памирского пограничного отряда подполковник А. Шпилько в личном письме предложил губернатору афганской провинции Бадахшан попытаться устранить возникшие противоречия, еще раз организовав контрольный объезд линии российско-афганской границы. Однако тот направил своих представителей к Кизил-Рабату лишь в августе 1914 г., получив предварительно согласие эмира на продолжение контактов с российскими пограничниками. На сей раз выяснилось, что афганская сторона претендует на довольно значительную территорию от озера Бахмардын-Куль до слияния рек Кашка-су и Тегерман-су [5].

В результате контактов с афганскими властями подполковник А. Шпилько уяснил подоплеку проблемы. В своем рапорте на имя генерал-губернатора Туркестана Ф.А. Мартсона он указал, что «поводом к различному представлению о положении пограничной черты» послужила недостаточно четкая формулировка в «Описании Российской Государственной границы на Памирах», определяющая положение пограничного столба № 10. В этом документе, составленном на основе решений российско-британской разграничительной комиссии 1895 г., утверждалось, что он установлен «на северной оконечности склона отрога..., разделяющего воды Тегерман-су и Кашка-су» [5]. На самом же деле, как оказалось, что пограничный столб находится значительно южнее. Теперь генерал-губернатору Туркестана стало ясно, что требования афганских властей вполне законны, и основываются они на более точных данных о географии местности, чем те, которыми руководствовались английский и российские военные, определяя северо-восточные рубежи Афганистана почти за 20 лет до этого [5].

Тем не менее, руководство министерства иностранных дел России признало выводы военной администрации Туркестана неубедительными. По мнению товарища министра иностранных дел А.А. Нератова, расположение всех пограничных столбов полностью соответствовало картам памирского разграничения 1895 г. Со своей стороны, он рекомендовал генералу Ф.В. Мартсону «доказать афганцам неосновательность их домогательств», опираясь на сведения об общем направлении линии государственной границы в районе пограничного поста Кизил-Рабат, а не на характеристику конкретного местоположения столба № 10. «Наша памирская граница образует почти прямую линию, идущую в В-Ю-В направлении..., если бы точка зрения [афганской стороны — К.С.] была правильной, границу от озера Бахмардын-Куль следовало описать как ломаную линию», - указал он [6]. Иными словами, царские власти решили отстаивать лишь те положения Памирского протокола 1895 г., которые отвечали исключительно интересам России. Все же очевидные свидетельства правоты афганской стороны в Петербурге решительно отвергались.

В целом, говоря об итогах развития российско-афганских отношений на границе к 1914 г., следует признать, что они оказались весьма скромными. Ни одна из серьезных территориальных проблем двусторонних отношений не была урегулирована. Эмир Хабибулла-хан стремился свести до минимума контакты с Россией и ограничить общение всех своих подданных с русскими жителями Туркестана. Царские же власти действовали в соответствии с условиями непризнанного эмиром российско-британского соглашения 1907 г. и долгое время не решались выйти за его рамки. Предлагавшиеся рядом чиновников министерства иностранных дел варианты силового вмешательства в афганские дела, были отклонены.

В целом, говоря об итогах развития российско-афганских отношений на границе к 1914 г., следует признать, что они оказались весьма скромными. Ни одна из серьезных территориальных проблем двусторонних отношений не была урегулирована. Эмир Хабибулла-хан стремился свести до минимума контакты с Россией и ограничить общение всех своих подданных с русскими жителями Туркестана. Царские же власти действовали в соответствии с условиями непризнанного эмиром российско-британского соглашения 1907 г. и долгое время не решались выйти за его рамки. Предлагавшиеся рядом чиновников министерства иностранных дел варианты силового вмешательства в афганские дела, были отклонены.

Литература:

- 1.Справка относительно Афганистана, январь 1913 г. // Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 235. Л. 24-26.
- 2.Письмо К.Д. Набокова В.О. Клемму, 28 ноября / 11 декабря 1912 г. // Там же. Л. 22-23.
- 3.Записка по афганскому вопросу, февраль 1913 г. // Там же. Л. 32.
- 4.Письмо генерал-губернатора Туркестана А.В. Самсонова С.Д. Сазонову от 17 ноября 1912 г. // Там же. Д. 235. Л. 1-2.
- 5.Письмо генерал-губернатора Туркестана Ф.В. Мартсона С.Д. Сазонову от 20 сентября 1914 г. // Там же. Л. 3-5.
- 6.Письмо А.А. Нератова Ф.В. Мартсону от 6 ноября 1914 г. // Там же. Л. 8.
- 7.Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878-1917. Серия II. 1900-1913. Т. 20. Ч.2: 14 августа – 17 октября 1912 г. М.: Государственное издательство политической литературы, 1940. — 520 с.
- 8.British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print, Series A. Russia, 1859-1914. Vol.6. 1910-1914. Washington: University Publications of America, 1983. — 425 p.